

**СТРАТЕГИИ УЧАСТИЯ
В ФОРМИРОВАНИИ
ГЛОБАЛЬНОГО
ГРАЖДАНСКОГО
ОБЩЕСТВА**

*Екадумова Ирина Ивановна,
Белорусский государственный
университет, г. Минск*

E-mail: ekadumova@gmail.com

Аннотация. Процесс формирования глобального гражданского общества подвержен влиянию стратегий деятельности социальных субъектов, стремящихся влиять на глобальное развитие. Если формированию классического гражданского общества способствовала активность политических сил, приверженных либеральным проектам общественного устройства, то проекты предполагаемого будущего глобального гражданского общества более вариативны. Это проявляется в разном выборе стратегий его формирования, среди которых можно выделить пять: 1) развитие равноправного международного сотрудничества неправительственных организаций (НПО); 2) оказание поддержки негосударственным организациям по принципу «донор – реципиент»; 3) обращение локальных и национальных НПО к международным инстанциям за помощью и поддержкой в отстаивании своих интересов на национальном уровне; 4) развитие международной деятельности квазиобщественных НПО, действующих под патронажем государств; 5) борьба глобальных протестных движений и инициатив за альтернативный мировой порядок.

Ключевые слова: гражданское общество, глобализация, глобальное гражданское общество, неправительственные организации, либерализм, гегемония, антиглобализм.

Перспектива формирования глобального гражданского общества актуализировалась в эпоху глобализации, когда развитие средств коммуникации стало разрушать прежнюю модель взаимоотношений между обществом и государством. Гражданское общество как социальное явление впервые сформировалось в Новое время. Наряду со становлением капиталистического способа производства, движущей силой этого процесса явился переворот в общественном сознании, связанный с реформацией. Предпосылки

формирования классического гражданского общества были созданы распространением в общественном сознании идей гуманизма, естественного права, народного суверенитета и общественного договора, т. е. в либеральных концепций взаимоотношений государства и общества, в центре которых находится человек, его права и свободы.

Если в Новое время гражданское общество формировалось рука об руку с национальными государствами, то сегодня баланс сил суверенных национальных государств как глобальная форма политической организации человеческих обществ преобразуется в иной политический порядок, в котором государствам все чаще приходится действовать в составе коалиций или под эгидой межправительственных организаций. Развитие механизмов международно-правовой защиты прав человека также ведет к ограничению прерогатив государств и истощает ресурс лояльности, которым они до сих пор располагали по отношению к своим гражданам. Для многих людей в разных странах собственное гражданство становится менее важным, чем принадлежность к субнациональным или наднациональным образованиям или сообществам, образуемым людьми по собственному выбору.

На этом фоне все более влиятельными участниками международных отношений становятся международные НПО. Будучи субъектами международного права, они перенимают у государств некоторые функции управления в политической сфере, которые те не могут полностью взять на себя [9].

Размывание государственно-центрической системы международных отношений порождает новые арены борьбы проектов глобального политического устройства. Идея гражданского общества на этом фоне оказывается востребованной как для разработки концептуальных схем будущего общественного устройства, так и для самоидентификации различных субъектов международных отношений, прежде всего негосударственных организаций. Поскольку их активность может не только способствовать развитию международного сотрудничества в решении глобальных проблем, но и препятствовать ему, М. Ховард предлагает не относить к категории гражданского общества экстремистские, мафиозные и другие криминальные группы. Даже если их внутренняя структура и динамика напоминают типичные организации гражданского общества, частью гражданского общества могут считаться лишь те из них, которые сами действуют в рамках законов и уважают права и законные интересы других организаций [10, с. 56]. Критерии различий между подлинными и мнимыми организациями гражданского общества являются отдельной проблемой, выходящей за пределы темы данной статьи. Отметим лишь, что ее решение зависит от интерпретации понятия «гражданское общество». Здесь

можно согласиться с А. Селигманом, что проблема гражданского общества разворачивается вокруг вопроса о возможности общности социальных агентов, мыслимых в терминах автономных индивидов [5, р. 202]. Между тем любые субъекты международных отношений, апеллирующие к идее гражданского общества или провозглашающие себя его представителями, влияют на условия его формирования.

Становление глобального гражданского общества – процесс противоречивый, неоднозначный и отчасти спонтанный, а его целесообразность не является самоочевидной для всех его участников. Те политические силы, которые приветствуют формирование глобального гражданского общества, руководствуются тремя группами аргументов: справедливостью, эффективностью и интересами стран, идущих по пути догоняющего развития. Первый аргумент – справедливость – означает, что кто-то должен выступить в роли «глобальной совести» в защиту тех интересов, которые иначе не могут быть представлены. Второй аргумент – эффективность – указывает на потенциал мобилизации общественности, привлечения экспертов, использования общественных связей, информационных и других ресурсов для решения насущных проблем. Третий аргумент – компенсация странам, идущим по пути догоняющего развития, издержек, обусловленных отставанием в экономической сфере [11].

На основе анализа тенденций глобального развития и содержания общественно-политических учений современности можно выделить пять ключевых стратегий участия субъектов международных отношений в формировании глобального гражданского общества.

Первая стратегия заключается в развитии международного сотрудничества НПО, чему способствует, прежде всего, рост их числа. Если в 1914 году в мире действовало всего 330 таких организаций, то в 1939 г. – 730, в 1970 г. – 2300, а в 2000 г. – 45674 [7]. В начале XXI в. насчитывалось до 50 тысяч международных НПО, причем в последние 20 лет XX века их количество увеличилось почти в 4 раза [1, р. 194]. К наиболее известным из них относятся «Международная амнистия» (Amnesty International), «Репортеры без границ» (Reporters Without Borders), «Зеленый мир» (Greenpeace), Международная организация защиты прав человека (Human Rights Watch), «Друзья планеты» (Friends of the Earth International), Международная антикоррупционная организация «Международная прозрачность» (Transparency International). Международные НПО образуют сетевые и зонтичные объединения, такие как Союз международных ассоциаций (Union of International Associations) и Мировой альянс гражданского участия (World Alliance for Citizen Participation – CIVICUS). Сегодня международные НПО сотрудничают с Организацией Объединенных Наций, которая

уполномочивает свой Экономический и Социальный Совет консультироваться с ними в сфере своей компетенции, т. е. по международным вопросам в области экономически, социальной сферы, культуры, образования, здравоохранения и т. п. В диалоге с правительственными структурами НПО различных уровней выступают в роли представителей и защитников интересов различных групп, а также в роли экспертов, разрабатывающих проекты правительственных решений. Успешно влияя на общественное мнение, международные НПО справляются с контролем за соблюдением международно-правовых норм. Все это позволяет им оказывать влияние на глобальное развитие.

Вторая стратегия присуща наиболее влиятельным государствам и международным организациям, участвующим в международных программах финансовой, организационной и консультационной помощи другим государствам и негосударственным организациям по принципу «донор – реципиент». Прежде всего, это Соединенные Штаты Америки, ООН и Евросоюз. В 1990-х годах США активно поддерживали развитие гражданского общества во всем мире. В период с 1990 до 2003 гг. на программы развития гражданского общества они выделили 2 438 млн долларов [2]. Слабой стороной такой стратегии является стимулирование роста численности профессиональных НПО, ориентированных на донорскую помощь, но не способствующих общественной самоорганизации. Правительства государство-реципиентов также не всегда готовы использовать такую помощь эффективно и даже воспринимать такую помощь как вмешательство во внутренние дела своих государств. Поэтому для эффективности подобной стратегии необходим определенный уровень доверия и взаимопонимания между донорами и правительствами стран-реципиентов.

Третья стратегия присуща относительно независимым локальным гражданским инициативам, которые мобилизуют субъектов мировой политики для решения локальных проблем. Изучив успешный опыт организации кампаний в защиту гражданских прав в Латинской Америке, американские исследователи М. Кек и К. Сикинк предложили для описания такой стратегии модель бумеранга [3]. Суть этой модели состоит в том, что местные группы и инициативы, испытывающие на себе репрессивное воздействие государства, добиваются от него уступок тем, что инспирируют давление на него со стороны международных организаций. Нередко в ходе таких кампаний формируются международные коалиции, включающие правительства других государств.

Четвертая стратегия заключается в государственном патронаже над общественными, квазиобщественными и государственно-общественными организациями. Это своеобразная форма адаптации к рыночной экономике и международным демократическим стандартам таких моделей государственно-общественных отношений, как конфуцианский патернализм и сталинская

концепция «приводных ремней» партии. Часть гражданского общества формируется государством, а часть самостоятельно организуется на низовом уровне, но лишь в тех масштабах и сферах деятельности, которые ей для этого отводит государство. Такая стратегия осуществляется сплоченными, неподконтрольными обществу властвующими элитами, нуждающимися в укреплении своей легитимности при передаче обществу части социальных обязательств государства. Если при этом в обществе имеется собственный потенциал гражданской активности, в неправительственном некоммерческом секторе происходит раскол между лояльными к правящей элите и опальными общественными организациями. На международном уровне это проявляется в дублировании деятельности и конкуренции между НПО, руководствующимися различными мировоззренческими установками. Одни из них ориентируются на так называемую государственническую модель гражданского общества, которая «опирается на тезис о том, что в основе социальных отношений лежат политические интересы и политическая воля правящей элиты» [6, с. 19]. Другие ориентированы на ценности прав и свобод человека и воспринимают общепризнанные принципы и нормы международного права как заслуживающий уважения и требующий выполнения регулятор международных отношений.

Пятая стратегия опирается на неомарксистскую интерпретацию гражданского общества как силы, призванной оказать противодействие глобальной экспансии капитализма. В этой стратегии объединяются усилия наиболее радикальных течений левого толка и правых изоляционистов. Точкой соприкосновения для них выступает антилиберализм и склонность видеть в глобализации результаты борьбы за мировое господство. Так французский философ А. де Бенуа считает гражданское общество средством распространения могущества либерализма, который «выступает против «гегемонии» общественного сектора, т. е. государственной монополии на удовлетворение коллективных нужд» [8, с. 40]. Наибольших успехов антиглобалисты добились в выражении недовольства глобализацией от имени тех, кому она не выгодна. Сильной стороной их стратегии выступает установка на развитие деятельности, в которой социальные движения разных уровней, местные сообщества и национальные общественные организации совместно конституируют основы альтернативного мирового порядка. В то же время контр-гегемонии по отношению к мировому капиталу они не добились. По мнению голландских исследователей К. Шоллы и А. Фрейберг-Инан, более существенных успехов в этом деле достигли государства, о чем свидетельствует их способность оградить себя от антиглобалистских нападков, опыт использования критического дискурса для легитимизации своих действий, а также меры по деполитизации властных отношений в рамках современного дискурса и политики безопасности [4].

Таким образом, глобальное гражданское общество в его современном виде – это сфера общения, в которой осуществляют свою деятельность НПО, этно-национальные, религиозные, профессиональные и иные общности и группы различных масштабов, идеологических предпочтений и уровней влияния, а также частные лица. Всех этих субъектов современных международных отношений объединяет стремление участвовать в решении проблем глобального значения. Это не единое общественное движение, проводящее согласованную политику, а площадка для переговоров, полемики, лоббирования интересов и продвижения решений, влияющих на мировой политический процесс. Стратегии участия в формировании глобального гражданского общества многообразны и порой несовместимы. Их вклад в формирование будущего облика глобального гражданского общества определяется тем, с каким эффектом они добиваются повышения прозрачности и подотчетности международных политических институтов и транснационального бизнеса, а также по тем, в какой мере они способствуют освобождению личности от опеки национально-государственных и локальных политических институтов. Перспективы их успеха зависят от силы аргументов и эффективности действий их сторонников, а также от создаваемых ими альянсов.

Литература:

1. Anheier H., Glasius M., Kaldor M., eds. *Introducing Global Civil Society // Global Civil Society 2001*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2001. — P. 3-22.
2. Finkel S. E., Linan-Pérez A., Seligson M. A., Azpuru D., eds. *Effects of US Foreign Assistance on Democracy Building: Results of a Cross-National Quantitative Study [Electronic Resource]*. – Mode of access. – URL: http://pdf.usaid.gov/pdf_docs/Pnade694.pdf.
3. Keck M., Sikkink K. *Activists Beyond Borders: Transnational Advocacy Networks in International Politics*. Ithaca; N.Y.: Cornell Univ. Press, 1998. — 240 p.
4. Scholla Ch, Freyberg-Inan A. *Hegemony's Dirty Tricks: Explaining Counter-Globalization's Weakness in Times of Neoliberal Crisis // Globalizations*. — 2012. — Vol. 10. — N 4. — P. 619-634.
5. Seligman, A. B. *The Idea of Civil Society / A. Seligman*. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1995. — 241 p.
6. Макарычев А. С. *Гражданское общество в России: между государством и международным сообществом // Публичное пространство, гражданское общество и власть: Опыт развития и взаимодействия / Редкол.: А.Ю. Сунгуров (отв. ред.) и др. М.: РАПН; РОССПЭН, 2008. — С. 19–32*
7. Наумов А. О. *Международные неправительственные организации и проблемы*

глобального управления // Государственное управление. Электронный вестник. — 2013. — Вып. 39, август [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://e-journal.spa.msu.ru>

8. Против либерализма: (к Четвертой политической теории) / А. Бенуа; пер. с фр.; предисл. А. Дугина. — СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2009. — 476 с.

9. Снапковский В. Е. Международные организации в системе международных отношений // Белорусский журнал международного права и международных отношений 2000. — № 3 [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://evolutio.info/content/view/374/51>

10. Ховард М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. М.: Аспект Пресс, 2009. — 191 с.

11. Цыро И. В. Механизм взаимодействия глобального и национального гражданских обществ // Научные проблемы гуманитарных исследований. — 2010. — № 10. — С. 248-255.